

**Дипломатические Сношения России И
Франции: По Донесениям Послов
Императоров Александра и Наполеона:
1808-1812**

Том 3

УДК 93
ББК 63.3
Д46

Д46 Дипломатические Сношения России И Франции: По Донесениям Послов Императоров Александра и Наполеона: 1808-1812: Том 3 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 433 с.

ISBN 978-5-517-96317-8

ISBN 978-5-517-96317-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 3-й томъ вошло 118 донесеній Коленкура за періодъ отъ 20 декабря 1808 до 17 іюля 1809 года.

Дѣла австрійскія служатъ главной темой дипломатической переписки. Готовящійся разрывъ Франціи съ Австріей заставляетъ Наполеона искать активной поддержки со стороны Россіи. Русское правительство, въ лицѣ Императора Александра и канцлера графа Румянцева, дѣлаетъ французскому послу неоднократныя заявленія своихъ симпатій и дружбы, но старается всячески предотвратить войну. На рядъ энергичныхъ требованій Коленкура о посылкѣ русскихъ войскъ въ Галицію даются обѣщанія столь убѣдительныя, что посольство нѣсколько мѣсяцевъ не сомнѣвается въ активномъ вмѣшательствѣ Россіи, и это убѣжденіе отражается въ цѣлой серіи его донесеній. Императоръ Александръ не разъ заявляетъ довѣрчивому Коленкуру о безповоротномъ рѣшеніи доказать «на дѣлѣ, а не на однихъ словахъ» чувства привязанности къ Наполеону и Франціи.

«Vous savez ce que je vous ai souvent dit: le temps prouvera à l'empereur combien je suis loyal» *).

Потоки такихъ краснорѣчивыхъ завѣреній льются въ теченіе многихъ недѣль.

Несмотря на пріѣздъ въ Петербургъ князя Шварценберга, на очевидную цѣль этой поѣздки, Коленкуръ доноситъ 22 марта слѣдующее: «Il est trois choses constantes aujourd'hui à Pétersbourg:

1) c'est que ce cabinet marche droit, que l'empereur agira franchement si la guerre éclate;

2) c'est qu'on se fait un point d'honneur de cette nécessité politique, quoiqu'on désire et veuille, à quelque prix que ce soit, le maintien de la paix, par la crainte des conséquences politiques de la guerre, sur lesquelles on s'explique aujourd'hui comme il y a six semaines;

3) enfin, c'est que jamais circonstance ne sera peut-être plus favorable pour donner à l'Autriche une leçon bien méritée **).

Между тѣмъ князь Шварценбергъ продолжалъ пребывать въ нашей столицѣ, убѣждалъ Императора и канцлера не торопиться въ своихъ рѣшеніяхъ, выжидать терпѣливо болѣе выгодныхъ обстоятельствъ. Въ донесеніи австрійскому правительству отъ 15 февраля у Шварценберга вырывается такое изреченіе: «L'heure de la vengeance sonnerait un jour» — слова знаменательныя, и немного позже онъ высказываетъ свое твердое убѣжденіе, что Императоръ Александръ «пальцемъ не шевельнетъ», чтобы помочь Бонапарту.

*) См. № 222.

**) См. № 225.

Почти одновременно французскій посолъ передавалъ Наполеону одинъ изъ обычныхъ разговоровъ съ русскимъ Государемъ, вѣроятно, не подозрѣвая, что въ этихъ немногихъ словахъ Императора Александра заключалась цѣлая обдуманная программа дѣйствія.

« Je vois avec regret cette guerre s'allumer; vous savez ce que je pense sur ses conséquences: l'Autriche détruite, plus de barrière entre nous, plus de tiers puissant et indépendant en Europe, où en serons-nous? Ces guerres entre les nations éclairées font rétrograder la civilisation. Je regarde celle-ci, pour le monde en général, pour vous comme pour nous, comme une calamité. Ce n'est pas, je vous jure, par pitié pour l'Autriche, car je ne lui ai pas pardonné encore 1805 et je lui pardonne encore moins sa conduite actuelle et ses liaisons avec l'Angleterre. Elle mérite une fière leçon et, malgré les réflexions que je vous fais, l'empereur peut compter que je le seconderai de tous mes moyens: je ferai tout ce que je pourrai; qu'il soit seulement modéré dans ses succès, qu'il donne la leçon bonne et qu'il ne détruise pas ce qu'il a, autant que moi, tant d'intérêt à conserver.

Cette page de son histoire, quelques torts qu'ait l'Autriche, ne sera pas la moins belle. Je me mettrai de tout mon cœur à la tête de ma nation pour le seconder dans une telle entreprise; elle serait digne de notre siècle: cela vaudrait mieux que des conquêtes» *).

Русскія войска подъ начальствомъ главнокомандующаго князя Сергѣя Ѳеодоровича Голицына тихо подходили къ австрійской границѣ, такъ медленно, что

*) См. № 240.

когда, наконецъ, вошли въ предѣлы Галиціи, то Наполеонъ былъ уже въ Вѣнѣ послѣ ряда кровопролитныхъ сраженій.

Тѣмъ не менѣе, Александръ Павловичъ, лаская Коленкура, завѣрялъ его, что «il a fait l'impossible pour l'alliance», а посолъ наивно добавляетъ: «C'est ainsi que S. M. et son ministre répondent à mes plaintes» *).

Не мудрено, что Коленкуръ получилъ, по приказанію Наполеона, съ береговъ Дуная исправную головомойку за свои довѣрчивыя донесенія, съ категоричнымъ требованіемъ дѣйствовать иначе въ будущемъ.

Минорное настроеніе французскаго посла выразилось весьма ярко въ письмѣ къ графу Шампаньи отъ 25 іюня 1809 года, которое заканчивается слѣдующими словами: «Если мнѣ разрѣшено выразить соображенія вполнѣ личнаго свойства, но которыя затрогиваютъ общій интересъ дѣла, то я нахожу, что, при настоящемъ положеніи вещей, императору весьма выгодно теперь же замѣнить меня другимъ лицомъ. Самый складъ моихъ отношеній здѣсь, а особенно близость къ Императору Александру, идущая рядомъ съ моею должностію посла, подрываетъ то рвеніе, которое я хотѣлъ бы проявить, и дѣлаютъ мое положеніе невозможнымъ. На каждомъ шагу министры будутъ напоминать, что они мнѣ говорили, что они сдѣлали и чего еще ожидаютъ. Новое лицо не будетъ связано этими обстоятельствами, оно будетъ дѣйствовать въ новомъ духѣ съ момента своего появленія въ Петербургѣ. Я передамъ ему дѣла въ такое время, когда довѣріе еще не совсѣмъ утра-

*) См. № 285.

чено, онъ будетъ въ состояніи игнорировать все то, что ему бы мѣшало; его молчаніе не можетъ быть поставлено ему въ укоръ,—напротивъ того, моя перемѣна въ обращеніи будетъ замѣчена, и все довѣріе будетъ разрушено» *).

Но Коленкуръ остался посломъ, вопль его не былъ услышанъ, и еще цѣлые два года ему пришлось играть въ жмурки съ русскимъ правительствомъ.

Эрфуртское свиданіе не дало ожидаемыхъ результатовъ, дружба не закрѣпилась, а началось взаимное недовѣріе.

Къ этому тому приложенъ портретъ Коленкура, герцога Виченцскаго.

Н. М.

*) См. № 287.

ПИСЬМА И ДОНЕСЕНІЯ КОЛЕНКУРА
съ 20 декабря 1808 г. по 17 іюля 1809 г.

182.

Rapport à Napoléon.

20 Décembre 1808.

Depuis le 10, j'ai eu l'honneur de voir souvent S. M. et de diner plusieurs fois chez Elle.

Un courrier prussien a apporté la nouvelle que LL. MM. le roi et la reine de Prusse avaient le projet de se rendre à Pétersbourg vers la fin de ce mois ou au printemps prochain pour y voir l'empereur et la Famille Impériale; mais tout annonce que ce sera pour la fin de ce mois. Les ordres pour les chevaux et les escortes sont donnés, et on dit même les équipages arrivés à la frontière. Le comte de Lieven, l'un des aides de camp généraux de l'empereur, destiné au poste de ministre à Berlin, est immédiatement parti pour aller au-devant de LL. MM. prussiennes jusqu'à la frontière. On leur prépare un magnifique appartement dans le palais occupé par la Famille Impériale. L'empereur a daigné m'instruire lui-même de ce voyage, aussitôt qu'il l'a appris. On ne lui assigne d'autre cause que de remercier l'empereur de tout l'intérêt qu'il a montré à la Prusse. Le séjour ici sera court, dit-on, le roi étant pressé de revoir Berlin. Je tiendrai Votre Majesté au courant de tout ce qui parviendra à ma connaissance.

L'empereur, m'ayant engagé à dîner le 18, aussitôt après l'arrivée du courrier du comte de Romantsoff, me communiqua et me remit lui-même les bulletins des opérations de l'armée d'Espagne qu'il venait de recevoir. Il me fit ensuite l'honneur de me dire qu'il approuvait la rédaction des réponses faites à l'Angleterre et la marche qu'on avait suivie à cet égard. Après m'avoir communiqué ces réponses, il m'ajouta qu'il avait reçu sur les affaires de la Prusse des renseignements qui lui paraissaient si contraires aux intentions manifestées par V. M. à Erfurt, même à l'assurance écrite qu'Elle lui avait donnée, qu'il se refusait à y croire, qu'il me chargeait d'en écrire à V. M. et de la prier de me mettre à portée de lui répondre.

Les observations de l'empereur portent principalement :

Sur ce qu'on a exigé par l'arrangement de Berlin l'intérêt des 70 millions de rentes foncières à 4 pour cent ;

Sur ce qu'on a exigé le paiement en trente mois au lieu de trois années, accordées à Erfurt ;

Sur ce qu'une partie de l'approvisionnement de siège des places était mise à la charge de la Prusse ;

Enfin sur ce qu'on exigeait le placement de petits postes militaires sur les communications établies entre ces places.

L'empereur infère de là que la Prusse y perd un cinquième du rabais accordé et que les charges de l'approvisionnement et celles des postes établis dans le pays équivalent au reste, sans compter le grand désagrément pour le roi de voir son pays occupé en outre de ces places, et l'inquiétude qui en résulte de rixes particulières qui amèneraient un mécontentement que le roi veut éviter. S. M. ajouta après ces réflexions :

«L'empereur a vu, par ma réponse à sa lettre qui accorde le rabais à la Prusse, la preuve que j'avais ses intérêts autant à cœur que ceux des Prussiens et que je suis sans arrière-pensée. Dans les affaires d'Espagne, dans celles d'Erfurt, comme dans celles d'Angleterre et de Vienne, je lui ai prouvé non seulement ma loyauté, mais aussi mon attachement. Pour que ces sentiments durent, il faut qu'ils soient